

Елена Викторовна Фадеева¹

ev_fadeeva@mail.ru

ТРАНСМИССИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В СЕМЬЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Семья — один из основных институтов общества, первая ступенька социализации человека. Как и любой общественный организм, она развивается и видоизменяется вместе с обществом, по-своему реагируя на вызовы времени, отвечая на общественные потребности, формирует их. Полноценное выполнение семьёй своих функций — непереносимое условие сохранения исторической преемственности, развития личности и общества в целом, общественной стабильности и прогресса. В ходе социальных перемен семья становится одним из основных институтов формирования новых ценностей и норм поведения. В статье путём сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов анализируется трансмиссия этнических традиций, главным образом в женской среде. Она оказывает большое влияние на формирование внутреннего строя семьи, её этикетных норм, функционирование всего обрядового цикла, сохранение элементов материальной и духовной культуры, передачу народных традиций будущим поколениям в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина (нанайцев, удэгейцев, тазов, ульчей, нивхов, негидальцев, орочей, ороков (уйльта), эвенков). Также исследуются советские и постсоветские трансформации семьи. В советский период в силу ряда объективных и субъективных причин (коллективизация, укрупнение традиционных поселений, ВОВ, система школ-интернатов и пр.) данный механизм был практически утрачен. Лишь в конце XX столетия, по мере возрастания национального самосознания в среде коренных этносов, стал подниматься вопрос о возрождении народных традиций.

Ключевые слова: семья, этнокультурные традиции, трансмиссия, коренные народы, разделение труда, обряды жизненного цикла, духовный и материальный мир.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Elena V. Fadeeva²

ev_fadeeva@mail.ru

**TRANSMISSION OF ETHNOCULTURAL TRADITIONS
IN THE FAMILY OF THE INDIGENOUS PEOPLES
OF THE LOWER AMUR AND SAKHALIN:
TRADITION AND MODERNITY**

The family is one of the basic institutions of society, the first step in human socialization. Like any social organism, it develops and changes together with society, responding in its own way to the challenges of the time, responding to social needs and shaping them. A family's full performance of its functions is an indispensable condition for the preservation of historical continuity, the development of the individual and society, social stability, and progress. During social changes, the family becomes one of the main institutions for the formation of new values and norms of behavior. The article uses comparative-historical and comparative-typological methods to examine the transmission of ethnic traditions, mainly among women. It has a great influence on the formation of the internal structure of the family, its etiquette norms, the functioning of the entire ritual cycle, the preservation of elements of material and spiritual culture, the transmission of folk traditions to future generations in the traditional family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin (Nanaici, Udegeci, Tazi, Ulchi, Nivkhi, Negidalci, Orochi, Oroki (Uilta), Evenki). It also examines the Soviet and post-Soviet transformations of the family. During the Soviet period, due to several objective and subjective reasons (collectivization, consolidation of traditional settlements, the Second World War, the system of boarding schools, etc.), this mechanism was practically lost. Only at the end of the twentieth century, with the growth of national self-awareness among indigenous ethnic groups, the question of the revival of folk traditions began to be raised.

Keywords: family, ethnocultural traditions, transmission, indigenous peoples, division of labor, rituals of the life cycle, spiritual and material world.

Начало третьего тысячелетия предъявляет к человечеству особые требования, одно из которых — демократизация и гуманизация бытия людей. В этом аспекте для каждого народа нашей планеты — и в первую очередь для малых этносов — важно сохранение своего исторического лица, той уникальности, которой он и ценен для мирового сообщества. Бездумная урбанизация, всё более мощный натиск цивилизации поставили на грань этнической катастрофы уже не один малый народ. Предвестники такой катастрофы — постепенная утрата малыми народами своих корней. Прежде всего, это утрата родного языка — транслятора богатейшей информации о жизни этноса, потеря многовековых традиций и связи с природой.

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

В результате народ утрачивает понимание своей миссии — своего социально-исторического предназначения [15, с. 5].

Цель представленной статьи — проанализировать трансмиссию этнокультурных традиций в семье и социуме коренных народов Нижнего Амура и Сахалина (нанайцев, ульчей, удэгейцев, нивхов, орочей, негидальцев, тазов, эвенков, ороков (уйльта)); проследить её трансформацию в советский период, дать оценку современной ситуации. Поскольку механизм передачи этнических традиций в традиционной семье указанных выше этносов был нами рассмотрен раньше [23], остановимся лишь на нескольких основных моментах данного процесса.

Семья как одна из основных «ячеек общества» обеспечивает своим членам экономическую, социальную и физическую безопасность: заботу о малолетних, престарелых и больных, условия для социализации детей и молодёжи. Она служит системой поддержки прав каждого её члена. Для выполнения этих функций большое значение имеют также семейные и родственные связи, взаимодействие семейных групп. Семья выступает фундаментальным посредником между человеком, государством и другими социальными институтами. Полноценное выполнение семьёй своих функций является необходимым условием сохранения исторической преемственности поколений, развития личности и общества в целом, общественной стабильности и прогресса. В ходе социальных перемен семья становится одним из основных институтов формирования новых ценностей и норм поведения [4, с. 126].

Носителями этнических традиций — родного языка, норм поведения и этикета, принципов возрастной и гендерной иерархии, хозяйственных приёмов, этнической специфики быта, верований — выступают все члены семьи [18, с. 268], однако их участие в сохранении и трансмиссии этнокультурной информации неодинаково и во многом зависит от того, какое положение они занимают в семейном коллективе и в какой роли они себя осознают.

Традиционный опыт воспитания молодого поколения коренных народов Нижнего Амура и Сахалина был связан с неписанным законом приспособления к окружающей среде, с хозяйственной деятельностью. Главной задачей родового воспитания являлась передача следующему поколению семейных законов и обычаев, правил общежития. Основой этого процесса был коллективный труд: каждый член семьи и рода обязан принимать посильное участие в производственной деятельности в зависимости от пола и возраста. Национальные трудовые традиции и навыки передавались естественно, при распределении повседневных обязанностей между её членами, в процессе каждодневного общего труда и взаимодействия. При этом постепенно на собственном примере родители прививали детям трудолюбие, самостоятельность, выдержку, умение преодолевать трудности [14, с. 179]. Трансмиссия традиций происходит во всех областях жизнедеятельности этноса — материальной и духовной, и осуществляется, как правило, по женской линии.

Бабушка, мать, старшие сёстры, выполнявшие широкий круг обязанностей, имели наибольшее значение в процессе воспитания детей раннего возраста обоих полов, в обучении их навыкам практической жизни. Женщина играла основополагающую роль в уходе за новорождённым ребёнком, в воспитании и социализации детей. Ребёнка стремились уберечь от болезней, смерти и передать ему жизненный опыт [23, с. 95].

Воспитание, обучение мальчиков и девочек младенческого и раннего возраста не имело заметных отличий. Они вместе играли: мальчики с самодельными луками, ружьями, стрелами, а девочки — с куклами или предметами утвари. Отец обычно не принимал участие в процессе раннего воспитания, но по достижении мальчиками 6—7-летнего возраста он постепенно начинал уделять им всё больше внимания, сначала лишь изредка привлекая их к совместному труду; с 10—12 лет они полностью поступали в распоряжение отца и старших родственников [14, с. 190—193; 13, с. 47]. С помощью деревянных или берестяных игрушек мальчики «выполняли» мужские трудовые действия, а девочки — женские работы. Таким образом постепенно происходило разделение труда между полами и распределение обязанностей между членами семьи [3, с. 32—33].

С 3—4 лет дети начинали помогать родителям. С 6—7 лет ребята ходили за водой, вносили в жилище дрова. К охоте приучали постепенно. 6—7-летним мальчикам изготавливали маленький лук и стрелы для охоты на бурундуков и белок. Мальчиков постарше отцы и братья брали с собой на охоту и рыбалку. 8-летние дети могли грести. Девочки в этом возрасте помогали матери по хозяйству, носили воду в маленьких ведёрках, присматривали за младшими детьми, учились шить и вышивать [20, с. 121]. Мальчики с 10—11 лет начинали помогать матери таскать добытое мясо в стойбище, а во время охоты стояли в стороне и наблюдали за действиями взрослых. С 11—12 лет мальчики получали ружьё для добычи пушного зверя, уже умели бить острой рыбу. Девочек с 13—14 лет тоже начинали брать на охоту, чтобы они учились у матери зажигать костёр, готовить пищу, кормить собак. Несколько позднее родители оставляли её одну хозяйничать в доме, а сами уходили на промысел [ПМА. 2002 г.].

Дочери вплоть до замужества оставались под присмотром матери и старших родственников, которые обучали их навыкам ведения домашнего хозяйства, традиционным эстетическим представлениям; по наследству передавались секреты народной медицины, приёмы охранительной магии, различные амулеты и обереги. С малых лет они помогали матери: таскали воду, носили дрова, чистили рыбу, выделывали кожу и приучались владеть иглой, ведь нередко девочку в 5—7-летнем возрасте отдавали замуж, а к 13—14 годам она уже становилась матерью [2, с. 158—159]. В семьях коренных народов Нижнего Амура девочка, направляемая матерью, уже в 6—7 лет помогала ей в приготовлении пищи, а к 14—15 годам могла самостоятельно готовить не только повседневную еду, но и праздничные блюда. Вообще девочек и молодых девушек старались не столько

загружать многочисленными видами женской работы, сколько подготовить к ним, чтобы, выйдя замуж, те могли взять на себя её выполнение в собственной семье.

Передавая свой хозяйственный опыт детям, родители внушали им и свои представления о мире, обычаях, верованиях. Всё это формировало в детях такие качества, как хозяйственность и расчётливость, привязанность к своему роду и традициям. При этом в народе считалось, что если мать — хорошая хозяйка, то такими же станут её дочери. Это обстоятельство учитывалось при выборе невесты. Священной обязанностью матери было воспитать в дочери такие качества, как скромность, послушание, почтение к старшим, хозяйственность и т.д. Если же девушка не соответствовала общепринятым нормам, то в этом прежде всего вину винули мать, не сумевшую воспитать дочь как следовало [23, с. 97].

Таким образом, в основе традиционного воспитания лежала идея, что мальчик — это будущий охотник и рыбак, кормилец, продолжатель семьи, рода; а девочка — невеста, жена, хозяйка очага. Взросление юношей и девушек происходило в условиях трудового воспитания, физического и духовного совершенствования. Рациональным зерном народной педагогики было формирование у ребёнка сознания того, что он неотделим от других в семье и роде, что его труд ценен и необходим так же, как и труд старших [14, с. 200].

Женщина в семье являлась носителем традиционных установок в вопросах вступления в брак, организации свадьбы; выступала хранительницей обрядов детского цикла, которые совершались при её непосредственном участии (обряды укладывания ребёнка в люльку, наречения имени, первой стрижки ногтей и волос). И девочки с раннего возраста вместе со старшими родственницами принимали участие во всех обрядовых ритуалах, участь последовательности их проведения.

Активную роль мать и все родственницы играли в процессе включения ребёнка в семейно-родственную группу через усвоение последним номенклатуры родства, форм и условий заключения брака, стереотипов поведения и др. Этот процесс начинался практически с колыбели [23, с. 98].

Пожилые женщины наряду с мужчинами старшего возраста являлись хранителями всех видов устного народного творчества. Через свадебные, игровые песни, протяжные плачи, загадки, предания, народные притчи и пр. дети не только познавали народные обычаи и традиции, усваивали нравственные нормы, но и знакомились с особенностями родного языка, с логикой и структурой разговорной речи, с многочисленными способами выражения эмоций, благодаря которым коммуникация становилась более понятной и содержательной [17, с. 30].

Из всего вышесказанного можно заключить, что в вопросах ухода за новорождённым и сохранения его жизни, а также воспитания детей до 6—7-летнего возраста наиболее значимую роль выполняли женщины: мать, сёстры по материнской линии, тётки, бабушки. С одной стороны, это

предопределялось спецификой заботы о маленьких детях, с другой — авторитетом старших женщин семьи, аккумулирующих в себе житейскую мудрость и жизненный опыт. Большое значение участия родственников по материнской линии в обрядах сохранения жизни ребёнка можно объяснить, отчасти, сохранявшимися у народов региона пережитками материнского рода. А определяющая роль женщин, особенно старших, в процессе социализации детей (преимущественно — девочек), не вызывает никаких сомнений и не нуждается ни в каких объяснениях.

Социально-экономическое развитие народов Нижнего Амура конца XIX — начала XX в. (распространение в среде коренных малочисленных народов товарно-денежных отношений и возникновение новых отраслей хозяйства) увеличило экономическую независимость женщины и её вес в глазах семьи и общества. Женщины стали играть основную роль в новых отраслях хозяйства — земледелии и огородничестве, таким образом выступая проводниками инноваций в традиционном обществе. Вместе с тем родственный состав нанайцев, ульчей и других народов стал формально пополняться русскими в результате крещения детей. Русские крёстные родители вносили свои традиции в политику их воспитания. Наряду с родовыми именами стали использоваться и христианские; иногда имена крёстных родителей становились фамилией ребёнка. У удэгейцев в период активных контактов с китайцами родители, уходя в тайгу, оставляли детей на попечение слуг-китайцев [ПМА. 2002 г.], становившихся воспитателями и наставниками младших членов удэгейской семьи. У тазов в до-революционный период чужеродец-китаец, поселившийся сначала как работник в семье, ставший затем пайщиком по хозяйству, позднее — господином, своим положением определял взаимоотношения между отдельными членами семьи и общества. Он диктовал условия жизни, мог отнять жену, забрать детей, не только нарушая преемственность поколений, но и навязывая свои традиции, тем самым фактически разрушая семью таза [1, с. 631; 24, с. 253].

Советская действительность оказала большое влияние на жизнь коренных народов Нижнего Амура и Сахалина — и материальную, и духовную, — привнесла новые реалии в повседневный быт. С 1930-х гг. началась эпоха коллективизации, приведшая к дальнейшим изменениям традиционного уклада. Женщины стали выполнять мужскую работу — корчевать лес, ловить рыбу, вязать сети. С малых лет дети были оторваны от семьи. В результате в их сознании закрепились не традиционная модель поведения, а стандарты, привнесённые новым укладом общества. Все изменения они принимали как необходимость. Именно на 1930-е гг. приходится слом механизма передачи ценностей традиционного общества через семейные устои [9, с. 7].

Великая Отечественная война усугубила демографическую ситуацию. На фронт ушли молодые и здоровые мужчины, что не могло не нарушить систему естественного воспроизводства населения. Многие семьи

остались без отцов, старших братьев и сыновей, в результате чего воспитание мальчиков легло на плечи женщин, а преемственность традиционного опыта по мужской линии была утеряна.

С 1925 г. в туземных селениях коренных этносов появляются школы, начинается ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Так, дети северных ороков получали образование на Ноглинкской культбазе, которая была открыта в начале 1930-х гг. В 1959 г. на её основе организовали восьмилетнюю национальную школу-интернат санаторного типа. В ней дети обучались с подготовительного класса и проходили курс начальной и восьмилетней школы. После этого одни продолжали учёбу в средней школе здесь же в Ноглинках, другие уезжали в крупные города. В с. Речное (Южный Сахалин) имелись ясли-сад и начальная школа, в с. Устье — восьмилетняя школа, в г. Поронайске — средняя школа и интернат. Подобная картина была характерна для всех мест компактного проживания коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина. После получения среднего образования представители коренных народов Нижнего Амура и Сахалина пользовались льготами при поступлении в ряд средних специальных и высших учебных заведений, многие работали учителями и фельдшерами в своих родных селениях [6, с. 42; 22, с. 40, 42]. Кадры национальной интеллигенции (учителей, врачей и др.) готовили и продолжают готовить Николаевское-на-Амуре педучилище и медучилище, Хабаровский педагогический университет, Хабаровский и Дальневосточный медицинские университеты, РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) и другие учебные заведения.

Как и предвидел Б.О. Пилсудский, школы действительно стали «сильнейшим средством для скорейшего слияния инородцев с русскими» [6, с. 42]. Этому в значительной степени способствовало то, что принятые на полное государственное обеспечение дети на длительное время отрывались от своих семей. Родители были избавлены не только от забот, связанных с содержанием детей (за всё платило государство), но и от обязанностей по их воспитанию. В результате рушилась естественная связь между поколениями. Обучение в национальных школах до недавнего времени велось исключительно на русском языке, поскольку там обучались дети разных народностей, которые овладевали этим языком с раннего детства. Кроме того, этому способствовало пребывание детей в детских яслях и садах, в которых они воспитывались почти с рождения до 7 лет на полном государственном обеспечении. Родители брали детей домой только раз в неделю — на воскресенье, хотя при желании могли забирать и навещать их значительно чаще. Воспитывали и обслуживали детей русские, нанайские и орокские женщины. Дети находились под постоянным наблюдением фельдшера [21, с. 40].

Вместе с тем пожелание Б.О. Пилсудского о том, чтобы в школах детей малых народов Сахалина учили ремеслу, сельскому хозяйству и, самое главное, давали знания, «которые позволили бы иметь детям превосходство в тех же работах, которыми заняты родители», так и не было

воплощено в жизнь. В итоге национальные школы выпускают молодых людей, плохо подготовленных к трудовой деятельности. Меньше всего они готовы к работе в традиционных отраслях [6, с. 42].

В настоящее время на женщинах по-прежнему лежат обязанности по воспитанию детей, они ведут дом, притом работают на производстве и нередко получают более высокую заработную плату, чем их мужья. Все важные вопросы супруги решают совместно. Семейный бюджет формируется из общих заработков, причём в последние годы в условиях хронической безработицы, затронувшей в большей степени мужчин, женщины зачастую являются единственными кормильцами семьи. Отчасти изменились и выполняемые мужчинами функции в семье. Они занимаются работой, в прошлом считавшейся исключительно женской: заготавливают воду, топливо. Подрастающих детей отец приучает к охоте и рыбалке, производственному труду и передаёт им свой опыт [19, с. 328—329]. Охотничьи обряды в той или иной степени продолжали бытовать по всему Северу вплоть до 1970-х гг. Например, повсеместно сохранялся обычай почитания и кормления огня, при этом многие не знали, кого они благодарят — духа огня, сам огонь или духа охоты. Молодые люди, бросая в огонь жир, кусочки мяса, нередко не подозревали, что совершают религиозный обряд [7, с. 89—90]. У негидальцев ещё 30—40 лет назад мальчишки ставили петли на зайцев, тогда как сегодня они не хотят идти в тайгу [Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Фонд А.П. Самара. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. Л. 205].

В прошлом нельзя было называть человека, особенно старшего по возрасту, по имени: вместо этого употреблялась традиционная терминология родства. Лишь с течением времени более молодые стали обращаться к старикам по имени-отчеству, как они привыкали в школах и других общественных местах. Тем не менее дети, не знающие родного языка, старших родственников зовут не по имени, а традиционными терминами «старший брат», «старшая сестра», «тётя» и т.д., а взрослые в свою очередь нередко называют их по имени, но чаще всего — «маленький» [19, с. 112].

На протяжении долгого времени основными занятиями коренных народов Нижнего Амура и Сахалина являлись рыболовство, морской зверобойный промысел, охота, оленеводство. На сегодняшний день большинство современных негидальцев имеет рабочие специальности (70% мужчин и 30% женщин), из них рыбообработчиками трудятся 66,7% мужчин и 33,3% женщин; безработными числятся 75% мужчин и 25% женщин [Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Фонд А.П. Самара. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. Л. 227—228].

Вместе с тем представители коренных этносов неохотно шли в новые для них отрасли (нефтяную, лесную, энергетику, транспорт, сельское хозяйство). Переход к рыночным отношениям вызвал существенные изменения в их жизни. Так, основная масса ороков, нивхов, эвенков Сахалина, оставившая свои традиционные занятия, в настоящее время или вообще не имеет какой-либо оплачиваемой работы, или занята самым

малооплачиваемым низкоквалифицированным трудом. Среди них много разнорабочих, грузчиков, уборщиц, сторожей, истопников [5, с. 23, 25]. Таким образом, если родители сами теряют связь с традиционным укладом жизни, то и детей они к нему приобщить не могут.

Отрадно, что в настоящее время память о прежнем родовом составе у среднего и старшего поколений ороков, нивхов, нанайцев ещё довольно свежа. Например, уйльта уверенно называют такие родовые наименования, как Баяуса с подразделением на даи-баяуса (большие баяуса) и нути-баяуса (малые баяуса) (Владимировы, Михеевы, некоторые из Степановых). Намиса (Мироновы, Макаровы), Гетта с подразделением на даи-гетта и нути-гетта (Бибиковы), Синахудо (Иннокентьевы) и Тори, или Ториса с подразделением на даи-ториса и нучи-ториса (Кирилловы, некоторые из Степановых). Для части родовых наименований информанты предлагают даже свою этимологию. Так, Намиса воспринимается как «что-то, связанное с оленями», вероятно, исходя из наличия в языке слова «нами» — «важенка», Баяуса — как «богатые» [25, с. 19—20]. В памяти живущих поколений уйльта сохранились весьма немногочисленные сведения о межродовых устоях, что проявляется прежде всего в бытовых сценах, во время ссор-разборок и в основном в мужском обществе, представители которого и сегодня занимаются традиционной хозяйственной деятельностью [12, с. 858; 10, с. 77].

Стоит отметить, что на сегодняшний день никаких брачных запретов или предпочтений, зависящих от родовой принадлежности, уже нет. Все опрошенные уверены в том, что браки возможны даже в одном роде: например, между представителями подразделений даи и нути (нучи). В принципе не осуждаются браки между троюродными братьями и сёстрами, хотя в реальности большая часть, например, уйльта, имеющих общих детей, состоит в ещё более близкой степени родства. Как считают сами уйльта, требуется «обновление крови», поскольку близкородственные отношения приводят к рождению детей с различными физическими отклонениями. По этой причине они вступают в браки с нанайцами, нивхами, эвенками, корейцами, айнами; хотя прежде смешанные союзы чаще наблюдались среди безоленных уйльта, поселившихся на берегу [25, с. 20—21, 38—39].

Неуклонный рост смешанных семей, на наш взгляд, отчасти является одним из показателей утраты преемственности поколений. Ориентация молодёжи, к примеру, на модель «русский — ороchonка» отчётливо выражена. Одной из причин того, что девушкам перестали нравиться парни из народов Севера, служит нежелание последних заниматься хоть чем-нибудь [25, с. 16], что было совершенно неприемлемо при традиционной модели воспитания молодёжи.

Рост смешанных браков (особенно с представителями более крупных этносов) неизменно приводит к утрате не только родного языка как не имеющего практического значения для современных негидальцев,

орочей, уйльта (ороков), тазов, но и народных традиций в сфере хозяйственной деятельности, семейных взаимоотношений и пр. Отметим, что в смешанных семьях уйльта и корейцев, где отец чаще всего кореец, фамилии и имена в семье дети получают, как правило, корейские, воспитываются в традициях корейской культуры, часто знают корейский язык, этикет, кулинарные тонкости. Однако имея первично корейское самосознание, в последние годы они записывают в официальные документы национальность «уйльта» для того, чтобы иметь льготы, полагающиеся представителям малочисленных народов Севера. Со временем формируется «двойное» самосознание, к примеру, уйльта-корейское. В случае переезда на материк в целях постоянного или временного жительства такой человек начинает называть себя только корейцем, что не было характерно для советского времени [10, с. 120—121].

Другой показатель нарушения традиционной модели воспитания молодёжи — её неподготовленность к семейной жизни. С 1965 по 1985 г. средний возраст вступления в брак снизился на 3,5 года. Например, по данным опроса 800 молодожёнов-негидальцев, 50% женихов и 30% невест лишь иногда, от случая к случаю, занимались ведением домашнего хозяйства. Потому-то у молодых при первом же столкновении с трудностями семейного быта возникают серьёзные конфликты, нередко заканчивающиеся разводом. Статистика показывает, что 20% расторгнутых браков приходится на долю семей со стажем совместной жизни до двух лет. Именно они эпизодически зависимы от родителей, а главное — молодые люди ещё не созрели для роли жены и мужа [16, с. 2]. Такая картина в той или иной степени характерна практически для всех коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина. И это основная беда современных семей и одна из главных причин разводов, которые в свою очередь ведут к увеличению числа неполных семей и внебрачных детей. Подобные явления были совершенно невозможны в традиционном социуме.

Основной язык общения коренного населения Нижнего Амура и Сахалина — русский, о чём ярко свидетельствуют данные последних Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. В семье говорят по-русски. Языком предков владеет лишь старшее, в определённой степени среднее поколение. Молодёжь, за исключением некоторых слов и выражений, его не знает. Обучение в школе ведётся на русском языке, что обусловлено и тем, что в школах учатся дети разных национальностей. Всё общение с лицами других этносов, с государственными и другими организациями осуществляется на русском языке [Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Фонд С.В. Березницкого. Оп. 2. Д. 416. Л. 86].

Таким образом, потере языка и национальных традиций способствует тот факт, что современная семья коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина при существующей системе образования (наличие системы школ-интернатов, частично введённой ещё в 1940-е гг.) зачастую не может выполнять своих функций воспитания, социализации, передачи опыта

народной культуры, формирования этнического самосознания у молодёжи. Родители отучаются выполнять свой первостепенный долг — заботиться о своих детях. А дети отвыкают от родителей и в результате такого «воспитания» становятся потребителями, привыкшими жить на полном обеспечении. В условиях интерната прекращается связь со своими национальными корнями, родной язык звучит для них как иностранный. Охотиться, рыбачить, шить одежду, вышивать так, как это делали их предки, они уже не умеют. Запомнив в детстве некоторые элементы своих танцев, фрагменты песен, к окончанию школы они их уже забывают [11, с. 12; 8, с. 4].

К счастью, начиная с последних десятилетий XX столетия, в условиях демократизации общественной жизни ярко проявляется стремление к этнической консолидации, борьбе за свои права. Для всех групп удэгейцев, нанайцев, нивхов, эвенков и др., т.е. этносов, наиболее компактно проживающих в местах своего традиционного природопользования, характерен определённый «культурный ренессанс», стремление к восстановлению культурных традиций [26, с. 310].

С 1990 г. работает Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края, на Сахалине функции местных органов самоуправления выполняет Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области, которая объединяет все коренные этносы, проживающие в Ногликском, Охинском, Поронайском, Смирныховском и Тымовском районах области; подобная организация есть и в Приморском крае. Все они имеют в районах свои территориальные и этнические подразделения.

Многие элементы традиционной духовной культуры, наполняясь новым содержанием, являются органичной частью повседневной жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС). В их наиболее крупных поселениях функционируют национальные парки и этнокультурные центры («Бикин» и «Удэгейская легенда» в Приморском крае, нанайский «Сикачи-Алян» в Хабаровском крае, нивхский «Ноглики» на Сахалине и др.). Подобные организации проводят различные этнокультурные мероприятия и праздники (например, посвящённые Дню тигра в Приморье), во время которых мужчины и женщины, а также дети и молодёжь показывают мастерство и свои умения, проходит дегустация традиционных блюд. Возрождены многие традиционные обряды, в том числе медвежий праздник. Например, у уйльта до недавнего времени сородичи строили вместе большой конический чум для участников праздника и совместно расчищали площадку для стрельбы в медведя, соблюдали все необходимые церемонии в организации обрядовой трапезы [12, с. 858].

Практически у всех народов сохраняется национальное декоративное искусство: художественная обработка дерева, кости, изготовление художественных изделий из меха, рыбьей кожи, берёсты, предметов культа. Созданы краеведческие музеи, работают детские музыкальная и художественная школы, в учебных программах которых традиционной культуре отводится значительное место [26, с. 327].

Многочисленные фольклорные ансамбли («Эри» (нивх.), «Гивана» (нан.), «Гива» (ульч.) и др.) знакомят общественность с песенной и танцевальной культурой своего народа. Действуют этнографические музеи, центры прикладного декоративного искусства.

Особо ценным является то, что КМНС сохранили как непреходящую составляющую своих традиционных праздников многие спортивные состязания, которые всегда были направлены на совершенствование их физической и профессиональной подготовки [15, с. 5].

Так, негидальцы во время праздников исполняют танцы «ходя», «ехорье», а также устраивают состязания по стрельбе, гонки на собачьих упряжках, катание на шкурах. В шкуре прорезаются отверстия, сквозь них пропускается ремень, муж сажает жену на шкуру, закидывает ремень на плечи и бежит на камусных лыжах [Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Фонд А.П. Самара. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. Л. 230—231]. Отрадно, что сегодня участниками подобных мероприятий выступают в основном дети под присмотром взрослых и стариков, тем самым восстанавливается преемственность поколений, утраченная несколькими десятилетиями ранее.

Наиболее крупные этносы предпринимают попытки возрождения родного языка. Так, у нанайцев, нивхов, удэгейцев ведётся преподавание родного языка в начальной школе, в некоторых детских дошкольных учреждениях. В начале 1980-х гг. были выпущены буквари на обоих диалектах нивхского языка. На национальных языках ведутся передачи на телевидении в г. Комсомольске-на-Амуре, местном радиовещании, издаётся детская и художественная литература, выходят ежемесячные газеты, например, на нивхском языке — «Нивх диф» («Нивхское слово») [26, с. 187, 142].

Однако наиболее показательной в плане возрождения механизма передачи этнических традиций представляется ситуация в оленеводческих бригадах уйльта и эвенков, которые большую часть года проводят в тайге. Летом к ним на 2—3 месяца приезжают семьи. В это время как раз и можно наблюдать многие элементы традиционной культуры, с которыми взрослые знакомят подрастающее поколение: изготовление предметов кочевого быта (сёдла, нарты, вьючные сумы, арканы), обработка шкур и пошив традиционной одежды и обуви, приёмы дрессировки и обучения ездовых оленей, приготовление пищи и т.п. В эти короткие летние месяцы можно услышать и родной язык, который в посёлках окончательно вышел из употребления [26, с. 198—199]. Кроме того, местные активисты из Тугуро-Чумиканского района (Хабаровский край) предприняли попытку (и даже воплотили это в жизнь) создания школьных оленеводческих бригад, когда дети во время летних каникул под присмотром взрослых мужчин-пастухов занимаются выпасом оленей, тем самым приобщаясь к некогда традиционному укладу жизни. Остаётся надеяться, что подобных примеров будет больше, а область применения традиционных занятий — шире.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что такие общественные коллизии советского времени, как коллективизация, укрупнение традиционных поселений, Великая Отечественная война, создание системы школ-интернатов и др. привели к тому, что механизм передачи народных традиций у коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина был практически утрачен. Привыкнув в советскую эпоху жить под «крылом» старшего брата — русского народа, после распада СССР многие представители КМНС, как, впрочем, и большая часть советских людей, буквально оказались на обочине жизни. Во время массовой безработицы, голода, отсутствия государственных гарантий, людям, конечно, было не до сохранения народных традиций. На сегодняшний день ситуация изменилась не слишком кардинально. Однако отойдя от первоначального шока, представители КМНС начинают вспоминать о своём прошлом, стремясь передать остатки знаний о национальных обычаях своим потомкам. Создание общественных организаций КМНС, которые ставят своей главной целью сохранение и возрождение своей самобытной культуры, — залог того, что не всё ещё потеряно [15, с. 54]. Хочется верить, что этот всплеск национального самосознания не будет кратковременным, и семья в дальнейшем снова начнёт выполнять одну из своих важнейших функций — трансмиссию этнокультурных традиций через взаимодействие между поколениями, поскольку в настоящее время эту задачу в большей степени выполняют школа и другие общественные организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. 1900—1908 гг. Доклад (Читано в заседании Отделения этнографии И.Р.Г.О. 25 февр. 1911 г.) // В.К. Арсеньев. Собр. соч. в 6 т. Альманах «Рубеж». 2012. Т. 3. С. 323—506. Приложение. С. 631—666.
2. Арсеньев В.К. Лесные люди — удэгейцы // Сочинения. Владивосток, 1948. Т. 5. С. 139—188.
3. Афанасьев В.Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 184 с.
4. Безлепкина Л.Ф. Изменение роли семьи как социального института в процессе развития // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы межд. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 126—132.
5. Высоков М.С. Коренное население Сахалина на пороге третьего тысячелетия // Краеведческий бюллетень. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. 1999. № 4. С. 18—47.
6. Высоков М.С. Научное наследие Б. Пилсудского и современное положение коренного населения Сахалина // Б.О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина (Материалы междун. науч. конф. 31 октября — 2 ноября 1991 г. г. Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск: Сахалинский обл. краеведч. музей, 1992. С. 36—44.
7. Гурвич И.С. О современном состоянии традиционных религиозных верований малых народов Севера и пути их преодоления // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становление новых обычаев и традиций у народов Сибири:

- Мат-лы науч.-практ. конф., сост-ся 22—26 ноября 1966 г. в г. Улан-Удэ / отв. ред. А.П. Окладников, Д.Д. Лубсанов. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1968. Вып. 1. С. 87—94.
8. Каримова Н. Теряют связь со своими корнями // Амгуньская правда. 1990. 17 февраля. С. 4.
  9. Ким А.С., Кныш А.В., Лях П.П., Менделен Н.Г., Прасолова М.П., Смирнов Б.В. Малочисленные этносы Приамурья: монография / отв. ред. Б.В. Смирнов. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. техн. ун-та, 1993. 71 с.
  10. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 295 с.
  11. Михайлов В.И., Чуркин А.А. Коренные народы Дальнего Востока (соц., экон., культ. и этнограф. аспекты). Хабаровск: Изд-во Хаб. краевого центра психического здоровья, 1999. 37 с.
  12. Народы Сибири. Этнографические очерки / под. ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
  13. Перехвальская Е.В. Удэгейцы. СПб.: Наука, 1994. 95 с.
  14. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX—XX вв. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. 227 с.
  15. Прокопенко В.И. Этноспорт народов Севера Приамурья и Сахалина: Книга для учителя: учеб. пособие. Хабаровск: Дальневосточный издательский центр «Приамурские ведомости», 2015. 264 с.
  16. Прошина Л. Брак — дело серьёзное // Амгуньская правда. 1988. 15 сентября. С. 2.
  17. Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972. 423 с.
  18. Семашко И.М. Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в семье // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы межд. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 267—277.
  19. Смоляк А.В. Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 307—336.
  20. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
  21. Смоляк А.В. Южные ороки (этнографические заметки) // Советская этнография. 1965. № 1. С. 28—42.
  22. Таксами Ч.М. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока. Вып. VI. Страны и народы бассейна Тихого океана / под общ. ред. Д.А. Ольдерогге. М.: Наука, 1968. С. 29—42.
  23. Фадеева Е.В. Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в женской среде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Ойкумена. 2015. № 4 (35). С. 94—102.
  24. Фадеева Е.В. Брак и семья тазов *идяиндя* // История и культура тазов: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — начало XXI в.) / отв. ред. А.Ф. Старцев. Владивосток: Дальнаука, 2019. С. 248—259.
  25. Функ Д.А., Зенько А.П., Силанняя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14—30.
  26. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Серия: Библиотека коренных народов Севера. М.: РИТЦ, 2005. 464 с.
  27. Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН (Арх. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
  28. ПМА (Полевые материалы автора).

REFERENCES

1. Arsen'ev V.K. Kitaysty v Ussuriyskom krae. 1900—1908 gg. Doklad (Chitano v zasedanii Otdeleniya etnografii I.R.G.O. 25 fevr. 1911 g.) [The Chinese in the Ussuri Region. 1900—1908. Report]. V.K. Arsen'ev. *Sobr. soch. v 6 t.* [Sobr. op. in 6 vol.]. *Al'manakh "Rubezh"*, 2012, vol. 3, pp. 323—506. Application pp. 631—666. (In Russ.)
2. Arsen'ev V.K. Lesnye lyudi — udekheytsy [Forest People — Udeheytsy]. *Sochineniya* [Essays]. Vladivostok, 1948, vol. 5, pp. 139—188 (In Russ.)
3. Afanas'ev V.F. *Etnopedagogika nerusskikh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Ethnopedagogics Non-Russian Peoples of Siberia and the Far East]. Yakutsk, Yakut. kn. izd-vo Publ., 1979, 184 p. (In Russ.)
4. Bezlepkina L.F. Izmeneniye roli sem'i kak sotsial'nogo instituta v protsesse razvitiya [Changing the Role of the Family as a Social Institution in the Development Process]. *Zhenshchina i svoboda: puti vybora v mire traditsiy i peremen. Mat-ly mezhd. konf. 1993 g.* [Woman and Freedom: Ways of Choice in the World of Traditions and Changes. Materials Int. Conf. 1993]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 126—132. (In Russ.)
5. Vysokov M.S. Korennoe naselenie Sakhalina na poroge tret'ego tysyacheletiya [The Indigenous Population of Sakhalin on the Threshold of the Third Millennium]. *Kraevedcheskiy byulleten'. Problemy istorii Sakhalina, Kuril i sopredel'nykh territoriy*, 1999, no. 4, pp. 18—47. (In Russ.)
6. Vysokov M.S. Nauchnoe nasledie B. Pilsudskogo i sovremennoe polozhenie korenno-go naseleniya Sakhalina [The Scientific Heritage of B. Pilsudski and the Current Situation of the Indigenous Population of Sakhalin]. *B.O. Pilsudskiy — issledovatel' narodov Sakhalina (Materialy mezhdun. nauch. konf. 31 oktyabrya — 2 noyabrya 1991 g. g. Yuzhno-Sakhalinsk)* [B.O. Pilsudskiy — Researcher of the Peoples of Sakhalin (Materials of the International Scientific Conference. October 31 — November 2, 1991, Yuzhno-Sakhalinsk)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhal-kiy obl. kraevedch. muzey Publ., 1992, pp. 36—44. (In Russ.)
7. Gurvich I.S. O sovremennom sostoyanii traditsionnykh religioznykh verovaniy malyykh narodov Severa i puti ikh preodoleniya [On the Current State of Traditional Religious Beliefs of the Small Peoples of the North and Ways to Overcome Them]. *Voprosy preodoleniya perezhitkov proshlogo i stanovlenie novykh obychaev i traditsiy u narodov Sibiri: Mat-ly nauch.-prakt. konf., sost-sya 22—26 noyabrya 1966 g. v g. Ulan-Ude* [Questions of Overcoming the Remnants of the Past and the Formation of New Customs and Traditions Among the Peoples of Siberia: Materials of Scientific-Practical Conf., Compiled on November 22—26, 1966 in Ulan-Ude]. Executive ed. A.P. Okladnikov, D.D. Lubsanov. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1968, iss. 1, pp. 87—94. (In Russ.)
8. Karimova N. Teryayut svyaz' so svoimi korniyami [They Lose Touch with Their Roots]. *Amgun'skaya pravda*, 1990, February 17, p. 4. (In Russ.)
9. Kim A.S., Knysh A.V., Lyakh P.P., Mendelen N.G., Prasolova M.P., Smirnov B.V. *Malochislennye etnosy Priamur'ya: Monografiya* [Small Ethnic Groups of the Amur Region: Monograph]. Executive ed. B.V. Smirnov. Khabarovsk, Izd-vo Khab. gos. tekhn. un-ta Publ., 1993, 71 p. (In Russ.)
10. Missonova L.I. *Uyl'ta Sakhalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda* [Uilta Sakhalin: Big Problems of Small People]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 295 p. (In Russ.)
11. Mikhaylov V.I., Churkin A.A. *Korennyye narody Dal'nego Vostoka (sots., ekon., kul't. i etnograf. aspekty)* [Indigenous Peoples of the Far East (Social, Economic, Cultural and Ethnographic Aspects)]. Khabarovsk, Izd-vo Khab. kraevogo tsentra psikhicheskogo zdorov'ya Publ., 1999, 37 p. (In Russ.)
12. *Narody Sibiri. Etnograficheskie ocherki* [The Peoples of Siberia. Ethnographic Essays]. Ed. by M.G. Levin, L.P. Potapov. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956, 1084 p. (In Russ.)

13. Perehval'skaya E.V. *Udekheytsy* [Udege]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1994, 95 p. (In Russ.)
14. Podmaskin V.V. *Narodnye znaniya udegeytssev: istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam XIX—XX vv.* [Traditional Knowledge Udeghes: Historical and Ethnographic Research on Materials of XIX—XX Centuries]. Vladivostok, Izd-vo DVO RAN Publ., 1998, 227 p. (In Russ.)
15. Prokopenko V.I. *Etnosport narodov Severa Priamur'ya i Sakhalina: Kniga dlya uchitel'ya: ucheb. posobie* [Ethnosport of the Peoples of the North of the Amur Region and Sakhalin: A Book for a Teacher: Textbook]. Khabarovsk, Dal'nevostochnyy izdatel'skiy tsentr "Priamurskie vedomosti" Publ., 2015, 264 p. (In Russ.)
16. Proshina L. Brak — delo ser'eznoe [Marriage is a Serious Matter]. *Amgun'skaya pravda*, 1988, September 15, p. 2. (In Russ.)
17. Sevil'gaev G.F. *Ocherki po istorii prosveshcheniya malykh narodov Dal'nego Vostoka* [Essays on the History of Education of Small Peoples of the Far East]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1972, 423 p. (In Russ.)
18. Semashko I.M. Mekhanizmy vosproizvodstva etnokul'turnykh traditsiy v sem'e [The Mechanisms of Reproduction of Ethnic and Cultural Traditions in the Family]. *Zhenshchina i svoboda: puti vybora v mire traditsiy i peremen. Mat-ly mezhd. konf. 1993 g.* [Woman and Freedom: The Path of Choice in the World of Tradition and Change. Materials of Int. Conf. 1993]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 267—277. (In Russ.)
19. Smolyak A.V. *Narody Severa i Dal'nego Vostoka* [Peoples of the North and the Far East]. *Semeynyy byt narodov SSSR* [Family Life of the Peoples of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 307—336. (In Russ.)
20. Smolyak A.V. *Ul'chi: Khozyaystvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashchem* [Ulchi: Economy, Culture and Way of Life, Past and Present]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 290 p. (In Russ.)
21. Smolyak A.V. Yuzhnye oroki (etnograficheskie zametki) [Southern Oroks (Ethnographic Notes)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1965, no. 1, pp. 28—42. (In Russ.)
22. Taksami C.M. Tungusskie narody na Sakhaline [Tungus Peoples on Sakhalin]. *Strany i narody Vostoka. Vyp. VI. Strany i narody basseyna Tikhogo okeana* [Countries and Peoples of the East. Iss. VI. Countries and Peoples of the Pacific]. Ed. by D.A. Ol'derogge. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 29—42. (In Russ.)
23. Fadeeva E.V. Mekhanizmy vosproizvodstva etnokul'turnykh traditsiy v zhenskoy srede u korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina [Mechanisms of Reproduction of Ethnocultural Traditions in the Female Environment Among the Indigenous Peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. *Oykumena*, 2015, no. 4 (35), pp. 94—102. (In Russ.)
24. Fadeeva E.V. Brak i sem'ya tazov idyaindyia [Marriage and the Taz Family of the idyaindyia]. *Istoriya i kul'tura tazov: istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI v.)* [History and Culture of the Taz: Historical and Ethnographic Essays (Second Half of the 19th — Beginning of the 21st Century)]. Ed. by A.F. Startsev. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2019, pp. 248—259. (In Russ.)
25. Funk D.A., Zen'ko A.P., Silannaya L. Materialy po sovremennoy kul'ture i sotsial'no-ekonomicheskomu polozheniyu severnoy gruppy uyl'ta [Materials on Contemporary Culture and Socio-Economic Situation of the Northern Uilta Group]. *Ethnographic Review*, 2000, no. 3, pp. 14—30. (In Russ.)
26. *Entsiklopediya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii*. Seriya: Biblioteka korennykh narodov Severa [Encyclopedia of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. Moscow, RITTS Publ., 2005, 464 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 20.03.2021